

В Белорусском государственном академическом музыкальном театре прошла премьера мюзикла «Джейн Эйр» композитора Кима Брейтбурга. Либретто известным поэтом Кареном Кавалерьяном написано по мотивам классического английского романа Шарлотты Бронте и истовых англоманов наверняка немало удивит. «Джейн Эйр» — уже четвертая минская постановка маэстро Брейтбурга. На различных сценах с успехом идут спектакли «Голубая камей», «Дубровский» и «Казанова». В диалоге с композитором мы попытались разгадать секрет его творческой продуктивности.

— Ким Александрович, уход в мюзиклы означает, что вы перестали писать песни для эстрады?

— В свое время в рок-группе «Диалог» мы исполняли крупные композиции по 50 минут на стихи поэта Семена Кирсанова. Это был такой арт-рок. Потом по объективным причинам работать дальше стало невозможно. Распался Советский Союз, «Диалог» вместе с ним. Это была интернациональная бригада: два грузина, два эстонца, русские, украинцы.

Два грузина, кстати, это братья Меладзе. Мы начинали и работали вместе. «Диалоговскую» студию собрали на свои гроши, и Меладзе там записывали первые песни: «Лимбо», «Не тревожь мне душу, скрипка», «Ночь накануне Рождества». До сих пор именно эти старинные фонограммы, записанные в тех смешных условиях, звучат в радиозфире. Не поверите, записаны они были просто в одной комнате! Потому мюзиклы для меня — это возврат к чему-то абсолютно естественному. В какой-то момент я осознал, что сочинение песен превратилось в конвейер, а радио стало слишком формальным. Появились форматы, и я начал как-то потихоньку от этого отходить. Всему свое время.

Когда композитор находится в таком активном возрасте и проекты идут один за другим, песни пишутся легко. В 2006 году в студии у меня висели листы с расписанием артистов: Александр Панайотов, Алексей Чумаков, Руслан Алехно, Алексей Гоман, Марина Девятова, ее папа, народный артист России Владимир Девятков, Борис Моисеев, группа «Премьер-министр»... И всю эту бригаду надо было записывать. В какой-то год получилось, что в день мы записывали по песне. До какого-то момента это было нормально, но потом я понял, что не справляюсь. Мне стало и неинтересно, и отчасти устал. А музыкальный театр, мне кажется, вполне достойное занятие для человека, которому перевалило за шестьдесят.

— В шоу-бизнесе любовь и дружба всегда по контракту. Смотрите, Александр Панайотов сейчас участвует в шоу «Голос» и такое ощущение, что начинает все с самого начала.

— Отчасти.

— Вы какие чувства испытываете по отношению к своему бывшему воспитаннику?

— Отличные. У нас очень хорошие отношения.

— Это не путь с начала, с белого листа?

— Для людей малопосвященных, может быть, это и выглядит так. А в Москве, например, вся околмузыкальная тусовка прекрасно его знает. Он достаточно авторитетен и популярен. И, конечно, «Голос» — это никакое не начало.

— Но так ведь до пенсии можно по конкурсам ходить?

— Согласен, согласен...

Просто, может быть, у него есть какие-то проблемы с самоидентификацией. Он никак не может определиться, какой репертуар ему нужен, как ему выстраивать свою карьеру. А певец Александр Панайотов — прекрасный. Как материал, как голос, который просто дан Богом свыше. Вы же не слышали, как он поет, когда рядом находится. А я слышал. Когда он поет рядом, вы можете обалдеть просто. Я

«Джейн Эйр».

Мюзикл сошел с конвейера

считаю, что его сильная сторона — большие вокальные песни. Большие мелодии. Где есть что петь, что показать. В этом его доминанта. Не драйвовые и не танцевальные композиции, а именно балладного типа. Саша идеально их исполняет. Насколько он сам это осознает, трудно сказать. Я ему, по крайней мере, это говорил, а поймет ли это его новый продюсер, если он закрепится в продюсерском центре Григория Лепса, — посмотрим.

— Вы сейчас продюсированием не занимаетесь?

— Вектор поменялся: занимаюсь театральными проектами. От конкретных людей завидую, но уже в меньшей степени. Потому что сейчас все контракты заключаются на уровне государственных театров. Они подходят ко всему более ответственно и серьезно, хотя, как говорится, есть нюансы... Но в целом это все же уже работа с организациями. Индивидуальная работа с людьми проходила сложнее: надо было быть и педагогом, и психологом. Люди склонны себя в какой-то момент переоценивать или, наоборот, — недооценивать, что приводит к депрессиям. Я считаю, что у меня все удачно сейчас складывается. Я и в той области чувствовал себя органично, и в этой. Мне все нравится.

— Если творческий тандем представить в виде брака, то чувства с годами в нем неизбежно притупляются. Как вы решаете эту проблему с нашим минским музыкальным театром, с которым у вас складывается уже своя многолетняя «лавстори»?

— Надо предлагать разные постановочные решения. Уметь удивляться самому и удивлять людей, чтобы не надоедать. Сейчас в Минске будет идти 4 моих спектакля. «Дубровский» — это музыкальное полудрево: оркестр на сцене, сюжет пунктиром, на сцене присутствует рассказчик, разнообразный музыкальный язык, есть момент условности. «Казанова» — это комикс на уровне даже, может быть, какого-то тривиального подхода, но в

этом тоже угадывается свой стиль. Разноцветье в костюмах, площадной, с дуркованием. Дель арте в каком-то смысле. Злодей там настоящий и утрированный злодей, герой — с большой буквы герой. Это шаржевый спектакль. Но его надо чувствовать. «Голубая камей» — поп-мюзикл. «Джейн Эйр» — совсем другой спектакль. Вы услышите. Я думаю, вы были правы, когда упоминали в статье недавно, что для одного города 4 спектакля одного композитора — чуть многовато...

— Но так случилось.

— Да, так случилось...

— Белорусские композиторы, конечно, локти кусают, глядя на ваши 4 названия.

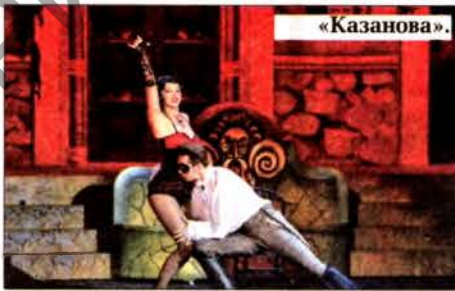
— Но Брейтбург никак не может повлиять на написание белорусскими авторами интересных произведений. Я был бы только рад прийти в театр и увидеть там спектакль белорусского композитора. Я был бы только рад. Так просто совпало.

Эти предложения возникли практически одновременно. Ваш университет культуры и искусств захотел продолжения истории после «Дубровского». Жалко было распускать ту студенческую труппу, которая сложилась. Часть взяли в «Казанову», часть — добрали. Я, может, открою секрет: у них же там есть здание недостроенное возле университета, и они, как я понимаю, лежачу когда-нибудь его достроить. И вот когда достроят, там вполне можно будет создать настоящий крепкий студенческий театр, какой есть, например, много лет в МГУ. Создать на этой базе настоящий молодежный музыкальный коллектив. Это отличная форма обучения студентов. Они конкретно, на практике, имеют возможность выходить к публике, наблюдать за старшими артистами, которые знают жанр. Это гигантская школа, никакая лекция даже самого талантливого педагога не заменит этого. Не имея контакта с публикой, трудно на самом деле представить, как это все происходит.

Ваш театр еще на 3 года продлил контракт по спектаклю «Голубая камей» и предложил мне сделать еще работу, которая стала бы и сделовой, и, что греха таить, кассовой. Пересечений с «Голубой камей» здесь нет, «Джейн Эйр» — более романтическая история.

Валентин ПЕПЕЛЯЕВ.

pepel@sb.by

«Казанова».

«Дубровский».